

Александр

БОБРОВ

г. Москва

СЛЕДЫ НА ВАЛУНАХ

Главное – теперь-то уж я знаю: «Калевала» от меня не уйдет, я ее услышу. И руны ее представляются мне застывшими водопадами в горах, звуком, вышедшим из камня этой страны.

Юрий Казаков

Не было во мне и отголоска этой каменной казаковской уверенности, и всё-таки я поехал по его карельским, почти невидимым следам на прибрежных валунах, покрытых нежно-зеленым мхом...
Зачем? – не могу объяснить.

ЗАВЕТНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Помню, как с детства хотел пройти по валдайским волокам на пути из варяг в греки, услышав от отца: «Вот видишь три сосны у Климовой горы и разрушенную церковь? Это Троица-переволока. Здесь самый маленький волок был из плёса в плёс. А сколько их вокруг Селигера!» И я тогда решил пройти самые важные торговые волоки – у Полново, у Залучья, у Каспли – через главный водораздел Русской равнины – Валдайскую возвышенность.

Написал серию очерков, а после целый раздел в книге – «Валдайские волоки». Или вот – казалось бы, простое, экскурсионное: поехал с курортного побережья Испании в древнюю Севилью и вспомнил, что это же город не только Кармен, но и Дон Жуана, решил найти дворец знаменитого соблазнителя – так даже гиды не знали. С трудом отыскал и рассмеялся: в этом дворце теперь министерство культуры Андалузии!

Ну, и по следам любимого драматурга Александра Островского путешествовал, который от Географического общества поехал через Тверь и Торжок искать исток Волги недалеко от Селигера. Ему тверской вице-губернатор приём устроил как знаменитости и удивился: «Исток Волги изволите искать? Не найдёте!» И ничего странного: даже в наше просвещённое время, как я убедился, работая над книгой «Москва-река от истока до устья», никто из московского начальства (снял для «Московии» и начал хлопотать о возведении часовни на истоке) ничего не знал о том, где начинается главная река столицы и области в Можайском районе. Теперь он, не без моей подачи – заметно обозначен.

Но Казаков – особая статья. Отец мне открыл

Валдай и привил любовь к Селигеру наглядно, с дошкольных ещё приездов, а Юрий Павлович влюблял в Север силой своего неимоверного писательского таланта – заочно. Его «Северный дневник» – любимая книга. Только потом я открыл обширный Русский Север на личных дорогах литератора и путешественника, на сплавах, начиная с Полярного круга, в фольклорных экспедициях и в журналистских поездках. А вот любимый короткий рассказ «Калевала» оставался какой-то заветной и запрятанной жемчужиной. Помню, в Петрозаводске предлагали в Обществе охраны памятников зимой полететь на вертолёте – отказался без озёрного света и зелёного шума.

Несколько лет назад, после сплава по реке Пистойоки, ехали к ночному поезду в Кемь, и в сумерках миновали засохшую сосну в центре Калевалы, под которой якобы рунопевцы собирались напевать эпические строки, но ведь не сойдёшь усталый в ночь. И я понял, что надо приехать специально, хоть знал: никаких героев рассказа и всей тогдашней обстановки я не найду: ведь рассказ-то «Калевала» аж 1962 года, когда я ещё в техникуме на Щипке учился и только открывал для себя настоящую русскую литературу.

И всё-таки пусть на несколько дней – поехал...

Вот когда ты, читатель, говоришь: «пройдёт время, и мы увидим» или «пройдут года, и всё изменится» – какой срок себе представляешь? Лично я – длину собственной жизни, даже покороче – сын мой хорошо бы это увидел, в крайнем случае – подрастающий внук. По этим меркам любимый писатель Юрий Казаков – певец Русского Севера, не угадал в предвиденье. Вот что он писал, вспоминая путь по скалистой гряде и тёплый ветер с озера Куйто: *«...Я думаю: придет время, и ничего этого не будет, не станет дикости, пустынности, на берегах озер возникнут стеклянные дома – тут ведь особенно любят свет! – и побегут шелковистые розовые, и желтые, и голубые дороги, и среди лесов будут краснеть острые черепичные крыши ферм, отелей и городов – тогда забудется многое, забудется бедность, приниженность избышек, бездорожье...»*

Трясаясь на старой «буханке» по выбоинам вроде бы асфальтовой местами дороги, я думал обрывочно: «Не угадал Юрий Павлович!» Или – пока не угадал. Ведь многое может стремительно измениться в наше роковое время. Разве мог я себе представить, путешествуя вплоть до описанного с иронией майдана и даже позже – по шляхам любимой Украины, спивая песни с дивчинами и друзьями, что здесь будет полыхать война, а дорога мне

– и вовсе будет заказана после ареста Службой безопасности даже до начала спецоперации?

Так вот и с Карелией, тем более с посёлком Калевала многое может – должно! – измениться. Более тысячи километров со страной – членом НАТО – сбрендившей Финляндией потребует огромных усилий и перемен именно здесь, потому что восемьсот (!) километров приходится на Карельскую республику. Точнее так, государственная граница Российской Федерации с Финляндской республикой (одновременно с Евросоюзом) имеет протяженность 798,089 км. Из них сухопутный участок границы – 661,1 км; речной участок – 30,106 км; озерный участок – 101,883 км. Эту огромную и сложную границу с Финляндией охраняют пограничные службы в поселке Калевала, городах Суоярви и Сортавала. Не знаю, будут ли тут «шелковистые розовые и голубые дороги», но гладкие серые бетонки к частям и базам – должны пролечь. Не представляю, возникнут ли стеклянные дома, но добротные штабы, казармы, учебные классы и дома офицеров – точно должны появиться. Глядишь, и мужики не будут ездить в поисках работы в Петрозаводск и Костомукшу.

И содержательное соревнование с соседями должно начаться. Ведь в Финляндии тоже есть своя Карелия. Чистокровных карелов там почти нет, большинство из них просто растворилось в финском народе, а в России – шестьдесят тысяч! Но у озера Пиелинен располагается город Нурмес, который как бы является памятником карельских традиций в современной Финляндии. В этом городе находится популярный финский курорт «Бомбах», на котором воссоздана старинная карельская деревня, подобно тем, которые строили финны в довоенные годы. По соседству с карельской деревней возведён оздоровительный центр – с бассейнами, саунами и прочими северными развлечениями-лечениями. Мне кажется, что возрождённый Ленинградский округ не должен уступать соседям, ставшим вдруг врагами.

Кстати, к востоку от посёлка Калевала, у дороги на Кемь, возвышается гора Айтовара. У её подножия бьют ключи с вкусной и мягкой водой, а в одном из них можно набрать воды, богатой железом. То есть это, вероятнее всего, – целебный источник, схожий с марциальными водами, где Пётр Великий учредил первый российский курорт. Так что новое освоение и преобразование этих мест, по моему убеждению, – впереди. Уверен, и возрождение карельского языка становится не просто этно-лингвистической заботой, но и военно-разведывательной необходимостью. Но о языке – позже.

ВЛАДИМИР ЛУККИНЕН

Судьба подарила мне в Калевале встречу с настоящим носителем языка и хранителем карельских традиций – Владимиром Матвеевичем Луккиневым. Встреча наша была короткой, озёрной, в пасмурный день. Он, с растрёпанной седоватой шевелюрой и резкими чертами лица, стукнул в дверь голубого домика гостиницы «Сампо»: «Собирайтесь – катер стоит». В берег ткнулся довольно-таки утлый для этой погоды катерок с навесом, за рулем которого был Рудольф. Он занимается, как я понял, и перевозками, и заброской туристских групп. Толком было не поговорить – рокот мотора, шум ветра, который просто сорвал и унёс накиннутый мной зелёный лёгкий дождевик – много рыбацких дорог с ним прошёл. Я всплеснул руками, а Владимир прокричал: «К счастью! Или вернётесь на Куйто. Погнали!» С Рудольфом они перекидывались парой слов на зычном карельском, похожим на эту раскинувшуюся стихию.

Юрий Казаков и сопровождавший его писатель Степанов плыли в деревню на Алаярви спокойней – на капитальном, рейсовом катере. *«Дует ветер, роет на озере крупную беспорядочную волну, возле пристани скребутся бортами лодки и катера, ни одного рыбака не видно на озере, ни одной точки не чернеет. Со мной сидит Ортьё Степанов – здешний писатель, добродушный, круглолицый и веселый. Он доволен, он рад съездить со мной на Алаярви, рад, что уговорил поехать туда и Татьяну Перттунен. И она сидит тут же, принаряженная – едет всё-таки в гости, – весёлая, изредка перебрасывается с Ортьё несколькими словами, усмешается. Не понимаю я по-фински, но слушаю жадно – такой это прекрасный звучный язык, сдвоенные гласные и согласные...»*

Луккинен тоже говорит звучно, но речь его не так напевна, как передаст потом звучание рун в исполнении Татьяны Перттунен Казаков:

«Иногда она повысит голос, нахмурит брови, вскрикнет грозное и поднимает руку, угрожая, но тут же и сникнет, забормочет, раскачиваясь, что-то жалобное.

*Каикиппануоуисикууломаа
метсястаметсянеелаваа...*

Вот что приблизительно слышу я на свой русский слух».

У нас на ветру было отрывистей: «Ловится ли крупная рыба (ролвана кала) в такую погоду, когда ветер и волна (туулиално)?» – спрашивает Луккинен (Луккинен) у подсевшего к нам на стоянке ры-

бака с обветренным лицом. Всё равно выразительно звучит, пробивается сквозь ветер и как-то гармонирует с раскинувшейся стихией.

Они при затишке мне рассказали, что сразу после путешествия Казакова и Степанова в августе 1961 года именно здесь, на самой глубине Среднего Куйто, затонул катер, названный в честь далёкого сородича сказительницы «Архип Перттунен».

Архип родился в 1769 году в карельской деревне Ладвозеро в небогатой крестьянской семье. Самородок не стал нарушать семейные традиции и тоже научился исполнять карельские эпические песни, тексты которых передавались из поколения в поколение. Его манера исполнения отличалась особой певучестью, образностью и выразительностью. В 1834 году о талантливом сказителе узнал врач Элиас Лённрот. В апреле самодеятельный этнограф приехал к нему в деревню и целых два дня записывал за Перттуненом руны под аккомпанемент кантеле. Всего Лённроту удалось записать несколько десятков фольклорных произведений, среди которых лирические и эпические песни, заклинания и легенды. Весь собранный материал он щедро использовал при создании эпоса «Калевала». По мнению ученого, крестьянин Архип Перттунен был выдающимся рунопевцом с богатым репертуаром и выразительной манерой исполнения, свою встречу с ним Лённрот признавал огромной удачей. Ещё бы! Он дал весь строй и образный ряд «Калевалы», чётко обозначил композицию большинства рун. Он в совершенстве владел формой калевальского стихосложения, которую отличают частые аллитерации, параллелизмы и продуманный подбор метафор. Это и стало залогом успеха скромного лекаря-фольклориста.

С Лённротом вообще произошла странная трансформация – из добросовестного собирателя и обработчика эпоса он вдруг стал выдающимся филологом и поэтом. В последние десятилетия карельские ученые, особенно трепетно относящиеся к соседней стране, уточняли состав и само определение этого произведения, сделав акцент на авторстве человека, который, дескать, не только собрал народные песни, но и создал огромное полотно, выступив чуть ли не в роли творца.

Не могу судить, поскольку не владею языком и обширнейшим материалом, но мы как-то призывали, что наши великие собиратели от учителя гимназии и этнографа Елпидифора Барсова до немца-славянофила Александра Гильфердинга записали на Севере выдающиеся образцы былин

и старинных песен, опубликовали это для потомков, но остались все же в тени сказителей.

Но и финнов с финнофилами можно понять. У нас во время подготовки и выхода «Калевалы» сам Пушкин фольклор собирал и широко использовал в гениальных произведениях, а там вдруг на безрыбье воодушевились образованные финны, осознав, что совсем рядом, в Карелии, сохранилась фольклорная сокровищница прошлого двух родственных народов. Для тогдашней Финляндии, бедной сельскохозяйственной страны, только-только перешедшей из-под многовекового и жёсткого господства Швеции под бережную опеку России (Конституцию подарили!), было очень важно осознать что-то своё, исключительно самобытное. В магазинах того времени даже не было книг на финском языке – наречии необразованных крестьян. «Калевала» стала первым таким изданием в 1835 году! Хранят ли финны должную благодарность к соседнему карельскому народу и лично Архипу Перттунену? Сомневаюсь... Зато когда в 1941 году они оккупировали Петрозаводск, финские патриоты переклачивали таблички-указатели на улицах города с концлагерем для детей: ул. Дзержинского – ул. Вяйнямёйнена, ул. Пушкинская – ул. Лённрота (стыдились бы невольного сравнения!), ул. Калинина – ул. Илмаринена: наглядно два кузнеца мельницы счастья – всенародный староста и герой эпоса со злой женой.

Затонувший катер, носивший славное имя Перттунена, даже назвали после знаменитого фильма «Калевальским Титаником». Но типично русское крушение произошло около небольшого острова, который с тех пор называют Танкерным. Причиной стало то, что катер вышел в шторм (он буксировал баржу с сеном), но экипаж из двух человек забыл задраить на ней люки, поскольку, по слухам, оба были пьяны... В результате баржа постепенно наполнялась водой, потом дала крен с мокрым сеном и пошла на дно, утянув за собой катер. Через какое-то время судно «Архип Перттунен» пытались достать с глубины 20 метров, но в ходе подъёма погиб один водолаз, и от дальнейших попыток отказались – плохая примета, да и катерок своё отслужил. Место затопления точно указать теперь никто не может, но это примерно в трёх километрах к востоку от пролива к озеру Алаярви, в который мы вошли после прорыва сквозь непогоду большого плёса.

Честно говоря, я рассчитывал, что мы сойдём на берег – там, где были святая роща и старое кладбище, где варили бабушки уху, собирали

чернику, а потом и пели по очереди руны. Первой начинала Марья Михеева – про то, как Вяйнямёйнен играл на кантеле из рыбьих костей... Но мы прошли на моторе рядом с поминальным тёмным крестом на пустынном берегу, и я понял, что катер делает разворот:

– И это всё, Владимир?

– Конечно, тут теперь и смотреть нечего! – крикнул он сквозь ветер.

Шторы от бокового ветра не давали возможности ни сфотографировать, ни рассмотреть толком. Осталось только ощущение пустынности берегов под серым небом и нескончаемого волнующегося водного пространства.

Приплыл какой-то опустошённый в райцентр и пошёл в рабочую столовую, пока она была открыта.

Владимир торопился по своим делам, и я толком не успел пообщаться с этим одарённым человеком, который режет деревянные скульптуры, украшает посёлок и иллюстрирует сам эпос. Не так давно в Национальном музее Карелии в Петрозаводске проходила его выставка. В экспозиции были представлены и живопись, и графические листы, которые привлекают своей тщательностью в отражении образов, глубоким проникновением в смысл и детали текста, который он открыл для себя ещё в детстве, читая, как многие из нас, книжку в переложении Александры Любарской на русском языке. Но и подлинник ему, в отличие от большинства, стал доступен. Мне больше всего запомнилась одна графическая строгая работа – образ Куллерво, нетипичного, трагичного героя, который неожиданно оказал огромное влияние на целое направление современной литературы – фэнтези в духе Джона Толкина.

ТОЛКИНИСТЫ НЕ ЗНАЮТ

Многие молодые увлекаются книгами Толкина, называют себя толкинистами и сами пробуют писать фэнтези. Почти всем им не хватает того, из чего вышел сам Джон Рональд Руэл Толкин (1892–1973) – знания мирового эпоса, причудливого фольклора, сказаний о легендарных героях.

История упомянутого Куллерво, рассказанная в 31–36 рунах, заметно отличается от других частей «Калевалы». Дело в том, что она была записана не самим Лённротом, а Европеусом; и не у карелов под узловатой сосной, а у ижоры Петербургской губернии. Записал ответвление эпоса Давид Эммануэль Европеус (1820–1884) – финский

фольклорист, этнограф и археолог, то есть профессионал, в отличие от лекаря Лённрота. Именно он в середине позапрошлого века собирал в Восточной Финляндии, Олонецкой и Санкт-Петербургской губерниях фольклор финноязычных народов и записал около 2500 рун, многие из которых были включены во вторую редакцию эпоса «Калевала». Но, несмотря на свои великие заслуги, Европеус не так известен в Финляндии, как Лённрот, хотя его исследования в области лингвистики и фольклористики не менее важны. Дело в том, что «отцами» будущей Финляндии были преимущественно шведы и «проскандинавски ориентированные» финны, а Европеус был «прососийским» ученым. Такие подвижники часто не ценятся теми, кто пришёл к власти, кто выбирает политические и культурные ориентиры, поэтому когда Европеус умер, он был похоронен в общей могиле для бедняков в Санкт-Петербурге.

А памятник Элиасу Лённроту находится в самом центре Хельсинки в небольшом скверике за «Чумным парком» по адресу: ул. Lönnrotinkatu, 5. Мону-мент собирателю и составителю карело-финского эпоса «Калевала» был сделан по проекту Эмиля Викстрёма и открыт в 1902 году. Лённрот воссе-дает на постаменте, рядом с ним Вяйнямейнен – один из главных персонажей эпоса. Чуть ниже видим девушку. Но если зайти за монумент с ле-вого фланга, как провёл меня знакомый финский писатель Карл Геус, то ясно видится лишь Вяйня-мейнен, сидящий на выступе скалы. А если мыс-ленно перевернуть пирамидальный монумент, то получается совсем другая картина: скала приоб-ретает черты лица, а в них явно угадывается дья-вол (усы, козлиная борода, рога). Ну а чтобы ник-то не сомневался в художественном замысле, ав-тор размещает на лбу существа перевернутую пя-тиконечную звезду – точно такую же, как на изоб-ражении дьявола на картах Таро. Что всё это зна-чит – случайность или замысел? Исследователи видят в дьявольской голове образ Антеро Випуне-на – древнего великана, к которому Вяйнямейнен обращается за советом. По сюжету великан прог-латывает Вяйнямейнена, но затем выплёвывает. Это и объясняет, почему Вяйнямейнен сидит в пасти у древнего чудовища. Ну а перевернутая звезда – игра в масонство и оккультизм, столь модные в начале XX века.

Так вот, история Куллерво была записана у ко-ренного малочисленного народа России, прожи-вающего под Санкт-Петербургом («Подъезжая под Ижоры, я взглянул на небеса») – и неизвест-на у других носителей этноса. Она повествует о

самой трагической судьбе юноши с волосами со-ломенного цвета. Два брата Калерво и Унтамо враждовали из-за рыболовных мест и клочков полей с овсом. Семья Унтамо, считавшаяся финской, напала на семью Калерво, считавшую-ся местной (ижорской), и многих убила. В живых осталась только юная жена Калерво, которую мужчины Унтамо увели с собой. Она родила в до-ме убийцы своего мужа мальчика, которому дала имя Куллерво. Он вырос в доме Унтамо как раб. Парень обладал магическими способностями, правда, в основном разрушительного характера. Когда Унтамо услышал, что Куллерво хочет отомстить за свой род, то попытался его убить, но мальчик был неуязвим. Тогда Унтамо продал его в рабство калевальцу – кузнецу Ильмаринену, где жена героя, которая была дочкой ведуньи Ло-ухи, определила Куллерво в пастухи. Однажды хозяйка дала пастуху хлеб, в котором запекла ка-мень. Пытаясь его разрезать, Куллерво сломал нож – единственное, что осталось от отца. Быто-вой момент, но сила рун возвышает трагедию:

«Вытащил свой нож из ножен, Чтоб скорей раз-резать хлебец; нож на камень натолкнулся, ост-рие в скалу уперлось, лезвие ножа сломалось, сталь на части раскрошилась.»

Куллервойнен, Калервойнен, посмотрел на нож отцовский, посмотрел, заплакал горько, вы-молвил слова такие:

«Только нож и был мне братом, был единствен-ной отрадой, от отца мне нож достался, от роди-теля – в наследство. Я и тот сломал о камень, ис-коверкал о булыжник, в хлеб заложенный хозяй-кой, запеченный бабой злою!»

«Чем же отомстить насмешки, бабий смех, из-девки бабьи, жалкие харчи хозяйки, подлюю стряпню блудницы?»

Тогда пастух загнал коров в болото, а вместо животины пригнал волков и медведей, сделав их похожими на стадо. Когда жена Ильмаринена пыталась их подоить, звери разорвали её в клочья. Куллерво убежал из рабства и встретил девушку на лыжах, с которой вступил в интимную связь. Узнав потом, что Куллерво – её брат, она покончила жизнь самоубийством, бросившись в реку. Осознав, что может причинять только поги-бель другим, Куллерво взял меч, подаренный богом Укко, отправился на войну с семьёй Унта-мо, убил как дядю, так и всех его людей, сжёг скот, дома и заборы. Куллерво утолил жажду мести, но когда он возвращается домой, видит, что дом пуст, в очаге – остывшие угли, пол уже давно никто не подметает, а лодки на берегу нет.

У Куллерво больше не осталось приюта и смысла в жизни, он решает покончить с собой. Куллерво спрашивает у своего меча: насколько для него важна справедливость? Меч холодно ответил, что ему нужно пить кровь, а чья она – хороших или плохих людей – неважно. Тогда Куллерво бросился на лезвие, чтобы в последний раз напоить его своей кровью...

Молодой и увлекающийся Толкин, будучи 22-летним студентом Оксфорда, под впечатлением от истории Куллерво начал писать своё первое произведение – «История Куллерво» (англ. «The Story of Kullervo»). Всего-то 26-страничная рукопись Толкина, к сожалению, так и осталась незавершённой и была опубликована только в 2010 году. Но сам Толкин в своих письмах признавался, что «История Куллерво» была первой попыткой создать свой собственный эпический текст с придуманными языками и мифическими существами. Так что «Калевала», записанная в Карелии и под Питером, – не только основа финской культуры и литературы, но и первоначальный толчок к зарождению целого направления современной литературы. Думаю, что Толкин изучал и ирландский эпос, и древних героев других народов, потому и мог создать свой причудливый, завораживающий многих мир. Любители эльфов и хоббитов должны знать, что фонетику эльфийского языка отец сказочных народов Толкин заимствовал из «Калевалы», поэмы, которую он хорошо знал и чьим языком был очарован.

А нынешние последователи читают только самого Толкина. Спроси у них про Куллерво – скажут удивлённо, что такого персонажа у кумира нет.

Кстати, в духе Толкина создан, например, клип «Вечное забвение» – композиция из нового альбома музыкального проекта ILMU из Карелии, снятый в единении с суровой природой и с использованием зримых образов и старых инструментов, с текстом на ливвиковском наречии карельского языка.

Весьма колоритно.

КАНУВШЕЕ НАВСЕГДА?

В творческом наследии Юрия Казакова много замечательных, тонких рассказов и образцовых очерков с блестящими описаниями природы, памятных дорожных встреч, внутреннего состояния, остро чувствующего автора. Причём многие (и я в том числе, лишь однажды наблюдавший Юрия Казакова в ресторане ЦДЛ) отмечали контраст между внешностью и грубоватой оболочкой

этого сына Арбата и лирической сутью его рассказов, пронизанных запахом воды, ароматом лугов и осенних листьев. Лучше всего об этом написал Евгений Евтушенко, друживший с Казаковым и попросивший его взять с собой на Север:

*Комаров по лысине размазав,
Попадая в топи там и сям,
Автор нежных, дымчатых рассказов
Шпарил из двустволки по гусям.
И грузинским тостам не обучен,
Речь свою за водкой и чайком
Уснащал великим и могучим
Русским нецензурным языком...
А когда храпел, ужасно громко,
Думал я тихонько про себя:
«За него, наверно, тайный гномик
Пишет, нежно перышком скрипя».*

Отличные и точные строки молодого Евтушенко! Но даже из нежно написанного тайным гномиком кое-что можно увидеть и сегодня, пощупать, повторить, пережить по мере сил. А вот услышанное неповторимым рассказчиком и досконально описанное в «Калевале» пение – нам никогда уже не услышать и подобного восторга – не испытать: «Поет Перттунен! А почему бы ей и не петь, если пели когда-то дети лопарей, поев глаза плотвичек и запив водой из ламбушки – маленького озерца? Почему бы не петь старой Перттунен, если ест она хлеб без примесей, жуёт чистый хлеб и сидит на берегу тихого Алаярви, возле смолистого огня?

Потом поет Марья Михеева – несколько иначе, потверже, повыше, и сперва вроде бы с усмешкой, а потом – серьезно, истово, и тоже затуманивается, тоже смотрит вдаль, а видит одного Вяйнямёйнена. Поют старухи, раскачиваются, сменяют одна другую, а уж глаза у них подозрительно блестят, уж вытирают они их концами платков. Ветер у них выдул слезы, что ли? Или дым попал? Но нет ветра, и дыма почти нет – одни угли, одна тишина, одна «Калевала», выпеваемая старыми голосами, журчит, вздымается и опадает».

Оборвалась. Опала навсегда.

Знал, что не услышать мне даже отголоска этого пения, хотя ансамбль кантелистов здесь есть, и даже установили огромный памятник кантеле – камень на две тонны. Но печаль от безвозвратно утраченного – прихлынула. Может, и потому ещё, что узнал: в Калевальском национальном и самобытном районе членом Союза писателей России и даже общепризнанных поэтов – авторов стихов

хоть на карельском, хоть на русском – нет. Хоть поэзией и древностью пропитан здесь сам воздух. Опытный экскурсовод Елена Перттунен и многолетний редактор газеты «Новости Калевалы» Сергей Кондратьев показали мне хмурым утром многие достопримечательности Калевалы: и сам дом писателя Ортьё Степанова, где останавливался Казаков («Хорошо бы установить мемориальную доску, да не всегда новые владельцы согласны», – обсуждали мы с Сергеем Вяйневичем), и Музей типографии, и памятные знаки сказителям, и Дом Моберга – этнокультурный центр «Калевалатало», и музей рунопевцев. Последний размещён в простом крестьянском доме сказительницы Марии Андроновны Ремшу (1861–1943). Там я и узнал, что упомянутая Казаковым Мария Ивановна Михеева (1884–1969), как и Ёуки Ивановна Хямляйнен (1882–1959) в 1939 году стали членами Союза писателей СССР.

Ещё с «Литературной России» помню, как кто-то в редакции иронизировал, что Николай Тихонов приехал создавать писательскую организацию Карело-Финской ССР и раздавал билеты направо-налево. Да нет, получили их достойные молодые писатели и две выдающиеся сказительницы, которые сочиняли и новины – произведения на современную для того времени тематику. Попробуй достойно и в народном духе написать про те же колхозы или про товарища Сталина. В эпическом, а не в таком вот частушечном стиле:

*Ветер – сильному попутен,
Человек – не божество,
Но не зря Владимир Путин
Объявил укропам СВО.*

В давние годы песнопение рун, как и сказывание былин, было мужским делом. Исполнялись руны не совсем привычным для нас способом. Певец с помощником садились напротив друг друга, брались за руки и начинали, покачиваясь взад и вперед, петь. При последнем такте каждой строфы наступала очередь помощника, и он всю строфу перепевал один. В это время запевала обдумывав следующую. Это и на картинках осталось, и в самой «Калевале» запечатлено:

*Друг любезный, милый братец,
детских лет моих товарищ,
запоем-ка вместе песню,
поведем с тобой сказанье,
раз теперь мы повстречались,
с двух сторон сошлись с тобою.*

*Мы встречаемся нечасто,
редко видимся друг с другом
на межах земли убогой,
на просторах скудной Похьи.*

*Подадим друг другу руки,
крепко сцепим наши пальцы,
песни лучшие исполним,
славные споем сказанья.
Пусть любимцы наши слышат,
пусть внимают наши дети –
золотое поколение,
молодой народ растущий...*

(Перевод Эйно Киуру и Армаса Мишина)

Слышит ли их теперь молодой народ растущий? Наверное, в карельском театре или фольклорной постановке можно услышать отголоски песен. Но сокращается количество носителей и знатоков языка. Вообще, карельский язык преподают в 27 школах республики: в Петрозаводске, Костомукше, Олонецком, Пряжинском, Суоярвском, Калевальском, Кондопожском, Лоухском и Медвежьегорском районах. Это более 2,1 тысячи школьников. «Знакомство с национальными языками начинается ещё с детского сада: в 20 дошкольных учреждениях изучают карельский язык, в трёх – вепсский. Проводятся литературные конкурсы среди молодых авторов, пишущих на карельском, вепсском или финском языках, конкурсы знатоков национальных культур, ещё мы создали Ресурсный языковой медиацентр», – так рассказал в соцсети глава Карелии Артур Парфенчиков. Есть дополнительные программы и курсы по изучению языков для взрослых.

Этим летом в посёлке Калевала, например, прошли курсы северного наречия карельского языка, организованные Региональной общественной организацией «Союз карельского народа» совместно с Карельским просветительским обществом (Финляндия). Слушателями курсов стали более тридцати энтузиастов, заинтересованных в сохранении, развитии и использовании карельского языка. Они посетили и этнокультурный центр «Хайколя» Фонда Ортьё Степанова в одноимённой деревне на красивейшем острове, встретились с сыном писателя и местными жителями – хранителями языка и традиций северных карелов, приняли участие в Фестивале этнической музыки Sommele, учились играть в карельские городки. Но это как бы разрозненные островки самобытности и внимания к языку. Нужны объединённые и продуманные усилия.

ПРИМЕРЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Подвижница Ольга Гоккоева из Кинермы, которая сознательно вернулась в родную деревню, в свой карельский мир, создала Дом карельского языка в соседнем Ведлозере. Она утверждает: на голом энтузиазме и с разрозненными курсами язык возродить невозможно, должна быть система. К сожалению, в бытовании карельского сейчас опять спад. Очень мало молодых активистов, нет такой энергичной деятельности, как в 1990-е годы, когда она училась: «Если говорить практически: нет рабочих мест, где нужен бы был карельский, в школах его изучение постоянно сокращают. Сейчас наш Дом – единственное общественное место в Карелии, где все говорят на карельском».

Ей можно верить, поскольку эта русоволосая и приятная женщина посвятила родному языку всю свою жизнь: «Я уже с четырнадцати лет знала, что пойду в университет изучать финский язык – карельского отделения тогда не было. Но мне повезло: я поступила в 1990 году, как раз когда появилась кафедра карельского языка – мы были первыми ее студентами».

Ольга окончила отделение финно-угорской филологии, какое-то время прожила в Финляндии. Там она увидела, как возрождают умирающий язык саамов и их культуру, и решила попробовать сделать что-то подобное в Карелии. Сначала они с сестрой Надеждой Калмыковой превратили в туристическую жемчужину маленькое родное село Ольги – Кинерму. Усилиями энтузиастов деревеньку преобразили и пересобрали – да так, что она вошла в список самых красивых деревень России и туда стали наезжать толпы туристов. Были, впрочем, и недовольные из местных, обвинявшие Ольгу, что она зарабатывает деньги на общем наследии.

А потом появилась идея создать Дом карельского языка. И снова – чудом, на энтузиазме. «Все 6 миллионов рублей, в которые обошлось строительство здания, – добровольные пожертвования самых разных людей. Причем самые активные жертвователи – пенсионеры. Все свои сбережения подарил стройке один пенсионер из Финляндии.

«Сестра Надежда пашет с утра до вечера, обходится без наёмных работников, – рассказывает Ольга, – помогают муж и сыновья. Ивану – 12 лет, Егор на год младше. Ваня – круглый отличник. Егор – мастер сочинять и прирожденный артист. Видно, в прадеда-сказителя пошёл. Оба со знанием дела ведут экскурсии в Кинерме. Рассказы-

вают так, что заслушаться можно. Особенно Егор, его туристы уже накануне заказывают».

Может, Егор Калмыков станет новым карельским поэтом и сказителем? Это всё призрачные надежды, но надо приложить общие усилия на современном уровне. Всё пример Финляндии приводят, где создали так называемые языковые гнёзда. Саамы этот метод приняли на вооружение в 1990-е, когда не осталось уже ни одного ребёнка, говорящего на их языке. За тридцать лет у них получилось вернуть язык к жизни! А теперь – даже ЕГЭ на саамском сдают, выросла молодёжь, которая говорит на родном языке, пишет стихи, сочиняет песни. Но ведь началось-то это, напомним, в СССР, в Мурманской области, где ещё до войны в саамской деревне Чальмны-Варрэ родилась девочка, которую родители назвали на советский лад – Октябрьной. Так вот, в 1989 году Октябрьну Воронову приняли в Союз писателей, и она по праву стала называться первой саамской поэтессой. Теперь имя ушедшей поэтессы носит Музей саамской письменности и культуры в Ревде. Да, это и уникальный, но и типичный случай. Конечно, нужна была неистовая любовь к родному языку, генетическая память (ведь муж увозил её на пять лет из Заполярья в Боровичи), верность поэзии, но помогла счастливая встреча с замечательным мурманским лириком Владимиром Смирновым. Без его работы пронзительные строки саамской поэтессы не дошли бы до русского читателя.

*Так у нас повелось, что издревле ни бабки, ни мамки
Не готовили нам ни дворцов, ни затейливых замков.
Спали мы на полу – на траве увядающей, рыжей.
Сквозь дырявые шкуры мы видели звездную крышу.*

Без его воспоминаний, хранящихся в Государственном архиве Мурманской области, ныне невозможно составить полное представление о жизни Октябрьны Владимировны.

Они познакомились в 1975 году, а через несколько лет начали сотрудничать. Сборник «Снежница» вышел именно в переводе Смирнова. Позже он написал о поэтессе в статье «Ночлег в пути», опубликованной в журнале «Север» в 1991 году.

* * *

Да, трудно сегодня сберечь и пестовать национальные литературы. Но мне кажется, что писательская организация Карелии и журнал «Север» с такими традициями могут стать и литературным, и организационно-методическим центром подобной работы при соответствующей властной поддержке. Перед поездкой написал редактору «Севера» – энергичной Елене Пиетилляйнен, которая призналась в ответ: «Я бы тоже хотела побывать в Калевале. Правда, в августе там на творческую встречу никого не собрать – все в лесах (грибы-ягоды), в школе каникулы. Знаю, что дорога плохая туда. Говорят, хорошо зимой, в мороз добираться... Про Калевалу мы печатали материалы год назад. Но наших писателей там нет».

Да, увы: ни наших, ни каких-то других.

Негоже издалека да ещё после краткой целенаправленной поездки давать какие-то советы, но первые действия мне кажутся безусловными: надо ввести рассказ Юрия Казакова «Калевала» во все школьные и вузовские программы Карелии – он художественно и заразительно повествует, как оно ещё недавно было. Ещё – установить мемориальную доску певцу Севера и Карелии на доме Ортьё Степанова или на музее рунопевцев, которых Казаков слушал на берегу Куйто. А главное: провести в Ведлозере или в Кале-

вале семинар молодых литераторов, которые хотя бы пробуют писать по-карельски, а уж если песни порываются сочинять... Думаю, что и Владимир Луккинен, и Любовь Соболева из администрации Калевалы, которая занимается молодёжной политикой, здорово помогут писателям-организаторам.

Рассказ «Калевала» заканчивается так: «...Одно не забудется – не забудется Калевала и великий дух Вяйнямёйнена, осеняющий эту прекрасную страну, и имена сказителей, несших этот дух сквозь столетия».

Поверим Юрию Павловичу, хоть следы его на прибрежных валунах трудно разглядеть...

□

Александр БОБРОВ –

поэт, публицист, критик и телерадио журналист.

Выпускник Литературного института, автор 50 книг стихов, песен, фольклора, прозы и 15 учебников по журналистике.

Кандидат филологических наук, член правления и председатель Совета по песне Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии, профессор кафедры журналистики МосГУ.

Обладатель высшего знака СП «За заслуги в литературе» и Большой Золотой пушкинской медали творческих союзов России.

Член редколлегии журналов «Русский дом», «Невский альманах», газеты «Советская Россия», главный редактор студенческого альманаха «Зеркало».

В журнале «Север» публикуется впервые.

